



С.М. - Рига.
1992. - 8 авт.

Интервью "СМ"

ПИСАТЕЛЬ - ВСЕГДА МЕССИЯ

АЛЕКСЕЙ ДУДАРЕВ дебютировал сборником рассказов "Святая птица". Потом были рассказы для детей - "Синеглазка". В 1987 году вышла книга "Диалог", в которую вошли пьесы "Выбор", "Взлет", "Рядовые", "Вечер", "Порог". В восьмидесятые годы А. Дударева часто и охотно ставили многие театры страны. Сейчас драматург возглавляет в Минске журнал "Мастацтва" ("Искусство"). И год как уже ничего не пишет.

мы занимались не своим делом! Потому что это - дело социологов, публицистов, журналистов. Да, все средства массовой информации находились под идеологическим колпаком, а театр был свободнее: пятьсот зрителей - это не миллионы читателей и слушателей. И искусство выполняло задачу - донести до людей правду о самих же людях. Мы делали святое дело. Но это происходило во вред искусству: нам со временем стало казаться, что это и есть настоящий язык искусства. И мы привыкли к этому.

Мы привыкли обличать, держать, простите за выражение, фигу в кармане. И зритель реагировал на это очень благодарно, потому что больше нигде не мог услышать это. Зритель шел в театр за истиной. И вот теперь это рухнуло. И слова Бога... Представляешь: люди ломятся в закрытую дверь, напирают и напирают! И вдруг она слетает с петель! И они не просто входят - они влекут кубарем, падая и набивая себе щишки! И только потом встают и, отряхиваясь, начинают делать то дело, ради которого ломились в эту дверь. То же самое произошло и с искусством. И я сейчас не знаю, что хотел бы посмотреть в театре. Меня уже давно по-настоящему не восхищал ни один спектакль! А если и восхищал как-то, то там была замешана политика.

Но отчего литература не может быть политизирована?

Художник не имеет права быть политизированным, поскольку у искусства совершенно другие задачи. Художник занимается человеческим духом, самим человеком. Литература сродни религии. И это очень спорный тезис - мол, состояние человеческой души зависит от внешних обстоятельств. Как по Марксу: бытие определяет сознание. Я думаю, абсолютно на-

оборот: сознание все-таки первично. Человек внутренне богатый, с ясными духовными ориентирами, не потеряет все это, у него хватит сил сохранить свой мир. Человек, носящий в себе христианские заповеди, не украдет, если будет богатым, но и не украдет, если будет бедным.

НТ - Алексей Ануфриевич, а тогда, в начале восьмидесятых, вы все писали до конца честно?

Понимаешь, писать все честно я просто не мог. Не знаю, хорошо это или плохо, но я не могу писать в стол! И дело тут не в меркантильных интересах, а в том, что меня должны были услышать! И, естественно, во мне сидел внутренний редактор. Я знал, что, скажем, вот эта фраза не пройдет. Но если за неецепляться, то не пройдет цензуру и все произведение. Мы все находились в таких обстоятельствах. Нельзя с каждого требовать, чтобы он был ни больше, ни меньше Андреем Дмитриевичем Сахаровым. У каждого свой характер и свое мужество. И не каждый был трижды Героем Социалистического Труда и таким всемирно известным человеком. Ведь, скажем, с Василем Быковымправляться было много легче.

Нас воспитывали в слишком жестких рамках. И поэтому мы не можем быть полностью свободными. Раб в нашей душе сидит и сейчас. Когда человек что-то делает, во с оглядкой, - это и есть рабство. Но сегодня в этом уже нет необходимости! Однако многолетняя привычка дает о себе знать. Свобода, как и интеллигентность, не может возникнуть с нуля. Она должна воспитываться из поколения в поколение, передаваться в генах. Но о какой свободе может идти речь, если в глухой деревне, где нет электричества, мои мать и отец,

ет ребенок, а у самого шоferа сзади сидят двое детей, он не станет думать, чтостанется через секунду.

- А если возникает, как в том же "Выборе" у Аleshkevicha, действительно выбор: оставшись честным и погибнув, стать для живых предателем только потому, что после смерти тебя оклеветали, или все-таки предать втихую?

- Дело в том, что Бог все знает. А суждения людей в большинстве обманчивы.

- Ваша пьеса-фантазия "Мастер и Маргарита", скажем так, написана в другом ключе, нежели ваши предыдущие работы. Чем это вызвано? У вас еще не было полного опыта?

- Написать пьесу по такому роману практически невозможно. И заранее дело обречено на провал. Прежде всего будет "мешать" сам роман!. Композитор Евгений Глебов попросил меня написать либретто, которое, конечно, у меня не получилось. А вышла пьеса. Я не ставил перед собой задачу - встать вровень с Булгаковым. Но это был поиск другого языка. Искусство потеряло сейчас свой естественный язык, язык, обращенный к душе человека, к его нравственности, интимности. И я хочу скорее найти его, ощутить, почувствовать. Если этого не произойдет, возможно, это станет трагедией.

- Вы счастливы в друзьях?

- Да. Недостаток у меня есть: не очень людям доверяю, весьма осторожен, замкнут. И поэтому очень часто бываю одинок.

- Одиночество было больше тогда или сейчас?

- Тогда. Какое сейчас одиночество, если последние десять лет телефон у меня дома не смолкает?! Я думаю, это у всех бывает. И уверен, что одиночество, грусть, тоска, если они не приобретают болезненных форм, ничего, кроме пользы, душу не приносят. Ты же видел, что люди в церкви всегда грустны. Но это просто они общаются с космосом.

- Что, по-вашему, главное в жизни?

- Ответственность за себя. И если ты по-настоящему ответствен за себя, ты будешь ответствен и за других.

- Спасибо за интервью.

Его вел Сергей
ШАПРАН.
Фото автора.